

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты
Спагетти, или Сюрприз для любимого
Игры, или Думаешь, это любовь?
Happy End, или Измена в рамках приличий
Путаница, или Любимый мотив Мендельсона
Неотразимая, или Основы женского шарма
Не торопи любовь
Экстрим, или Девушка с амбициями
Дикарь, или Я все равно тебя найду
Ройбуш, или Маленькая женщина
Отпад, или Свадьба моего мужа
Иллюзион, или История одного развода
Фифа, или Счастья тебе, дорогуша!
Спонсор, или Муж обьелся груш
Ежики, или Мужчины как дети
Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!
Ягодка, или Пилюли от бабьей дури
Stop! Это мужской мир, подруга!
Алиса, или Зеленый подъезд
Виртуальные связи
Квартирный вопрос, или Байки черного маклера
Плохие девочки
Гений, или Истории любви
Содержанки
Рыцарь нашего времени
Пепельный блондин
Загадай желание
Обыкновенный волшебник
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых женщин
Фокус-покус, или Волшебников не бывает
Как женить слона
Девушка без имени
Такая глупая любовь
Все дело в платье
Апрельский кот
Кот, который гуляет со мной

Валентина Веденская

Гений, или История любви

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта

роман

Москва 2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.
В26 Гений, или История любви : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Жизнь прекрасна. Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-98131-1

Иногда слова не нужны. Иногда они все только усложняют. Тем более когда речь идет о любви, о чувствах. Соня Разгуляева это поняла давно, потому и не обсуждала ни с кем свою жизнь, не делилась сокровенным. Тем более — о своей первой любви. Он лучше всех. Он самый красивый, самый умный. Он самый настоящий гений. А каждому гению нужна муза. И Соня решает во что бы то ни стало завоевать это место.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98131-1

© Саенко Т., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

Глава 1

Она никогда не была сильна в разговорах. Никогда. Вместо этого она улыбалась, и в большинстве случаев, как ни странно, этого оказывалось достаточно. Люди вокруг придают значение только своим собственным словам, а в ее молчании было так много пространства для чужих слов, что его обязательно кто-нибудь заполнял.

Нет, это вовсе не означает, что она не могла говорить, не могла сказать и одного слова. Она была здорова, в том числе психически, но с самого детства предпочитала молчать. Конечно, если бы ей понадобилось, она бы могла сказать: «Передайте, пожалуйста, на билет» или «Дайте, пожалуйста, хлебницу». Правда, в большинстве случаев, если хлеб стоял далеко от нее, она сидела и улыбалась. Без хлеба. Такую уж ее создал Бог, кто его разберет почему.

Когда ты много молчишь, у тебя всегда есть время пораскинуть мозгами. Так что она много думала, и не то чтобы о чем-то серьезном или умном. О разном. Обо всем на свете, в том числе и о том, отчего люди не ле-

6 Татьяна Веденская

тают, как птицы. Или о том, что это будет такое — ее жизнь и как она пройдет, будет ли она счастлива или несчастна. Сможет ли полюбить человека хотя бы так же сильно, как любила варенье из вишни. Или даже сильнее. Сможет ли кто-то полюбить ее?

В ее голове слов было предостаточно, даже много. Они сплетались в мысли, образы, мечты, по большей части нечеткие, но зато наполненные чувствами или даже предчувствиями. Когда она мечтала, улыбка становилась отстраненной, а взгляд ее больших выразительных синих глаз словно бы оборачивался внутрь, и она становилась закрыта для внешнего мира.

Это можно было заметить, если понаблюдать за ней внимательнее. Много интересного можно было увидеть, если остановиться на секунду-другую и просто внимательно всмотреться в ее юное лицо. Но кто это будет делать? Надо признать, что большая часть людей не имела желания отрываться от своих собственных дел ни на минуту. Все вокруг были поглощены собой, но она не сильно-то из-за этого переживала. Такой уж у нее был характер, она принимала все и всех, как говорится, без купюр. Иными словами, как есть, и не заморачивалась ни из-за чего слишком сильно. Редкое качество. Скорее всего, такое свойство ее натуры возникло из-за того, что она много (действительно много) улыбалась, и еще потому, что ей с самого детства было интереснее наблюдать за вещами и людьми, чем пытаться их изменить или оценить по какой-нибудь шкале.

В одном можно было согласиться — она была совершенно другая. Даже ее родители, которые ее обожали,

как только могут взрослые, обеспеченные и нравственно здоровые люди обожать свою единственную дочь, даже они иногда не могли ее понять. Будто она была инопланетянкой и изъяснялась не русскими словами, а ультрафиолетовым спектром. Поди пойми. Ее суть, ее характер и личность были так надежно упрятаны под завесой ее безмятежной улыбки, что родители и понятия не имели, какая она, и не представляли себе, как узнать.

Тем более теперь, когда ей исполнилось шестнадцать.

Родители называли ее Софьей в честь маминой прабабки, Софьи Измаиловой, но родители как-то постепенно с годами растеряли это имя, заменив его ласкательными «солнышками», «конфетками» и «мышками». Учителя называли ее по фамилии — Разгуляева, и то редко. Она была неразговорчива, так что к ней обращались нечасто, не хотели ее смущать, заботились о ней. Самое забавное было, что сама-то она ничуть не смущалась своего положения, не испытывала буквально ни одного комплекса в связи со своим добровольным молчанием. Но все вокруг примеряли ситуацию к себе и потому предполагали, что она, наверное, постоянно смущена и подавлена. Только этого ничуть не бывало. Соня ощущала себя абсолютно комфортно, снова сидела в первом ряду партера и наблюдала за спектаклем, который давала жизнь.

А все домашние задания и рефераты она делала и сдавала вовремя и на «отлично», так что особого резона к ней обращаться и не было. Вот и молчала, потому что говорить было не о чем. Буквально.

8 Татьяна Веденская

Соня жила на Тверской, и из ее окна была видна Красная площадь. Правда, лишь краешек, и то если выйти на балкон и хорошенько перегнуться через перила. Их дом, самый высокий на Тверской, стоял немного повернутым в сторону от площади, так что нужно было хорошенько перегнуться через перила, чтобы даже с их восьмого этажа увидеть святая святых — музей Ленина и несколько башен Кремля.

Соня к Красной площади была равнодушна, как и любой нормальный человек, живущий от чего-то, пусть даже очень замечательного и выдающегося, в пятнадцати минутах ходьбы. Но все-таки это же что-то да значит — родиться и расти в таком месте.

Два месяца назад она неожиданно осталась одна. Так получилось, что ее папе, дипломату, предложили уехать — работать консулом в далекую Новую Зеландию, и он согласился, потому что давно устал от московских пробок, холодов, плохих продуктов в дорогих и редких супермаркетах московского центра. Вот так и получилось, что Соня осталась одна. Она ведь была уже совсем взрослая девочка, серьезная, умничка, отличница — чего же не оставить такого ребенка самого по себе? Тем более что Соня-то и не возражала.

Собственно, а как бы она возразила, если говорить не любила и не могла? Когда мама с папой позвали ее в гостиную, чтобы серьезно поговорить, она только пожала плечами и улыбнулась. Поговорить — теперь это так называется — было сидеть напротив родителей на большом плюшевом диване и слушать, что это будет совсем не так сложно, как кажется, и что бабушка будет

обязательно помогать, и что уже пора учиться отвечать за себя и быть самостоятельной, а мама с папой привезут ей новый гардероб — купят там в нормальных магазинах, которых тут практически нет.

— Ну, что скажешь? — спросила мама, будто бы не знала, что ничего ее дочка ей не скажет. Слова снова останутся внутри, не осилив перехода из мыслей в звуки. Трудности перевода.

Соня не очень-то хотела остаться одна, но и сильно против не была. Кому, в принципе, может помешать пустая трехкомнатная квартира, да еще в шестнадцать лет? И самостоятельность в этом возрасте манит, как запретный плод, в том ракурсе, что кажется очень и очень вкусной.

Соня не была в этом смысле исключением, и мысли о взрослой, независимой жизни приятно тревожили и волновали ее. За свои шестнадцать лет она уже успела поездить с родителями, которых периодически «посылали» куда подальше, в какую-нибудь Болгарию или Ирландию, где Соня в силу возраста и характера преимущественно улыбалась в стенах консульства и в контакт с миром заграницы не вступала. А вот одна дома она не жила никогда.

С другой стороны, она бы, может, с радостью поехала за ними в эту Новую Зеландию, чтобы пожить в городе Веллингтон и посмотреть на все: на антиподов, у которых все наоборот, на бескрайние горы, там, где снимали «Братство Кольца». Она совсем недавно посмотрела фильм, и теперь с нетерпением ждала второй его части, и мечтала о том, как бы она смотрелась рядом

с Гендольфом. В любом случае, в Новой Зеландии ей бы могло понравиться. Так ей казалось.

— Ты же понимаешь, что мы не можем тебя взять, — вздыхала мама, предполагая, что если бы дочь была разговорчивой, то она бы сейчас устроила истерику, требуя, чтобы они взяли ее с собой. Глядя на безмолвно улыбающуюся дочь, было ни черта не понятно, чего она хочет на самом деле. Улыбка была неопределенной, и в который раз мама подумала, что хоть Мышка и удивительный ребенок, она бы предпочла, если бы дочь была немного более традиционной. Чтобы спросить — и получить ответ.

Когда в раннем детстве выяснилось, что Соня молчит, ее мама была напугана до самых печенок. Куда она только не обращалась, таская на руках трехлетнего ребенка по всем возможным специалистам и даже к шарлатанам! Пытались найти какую-нибудь травму, хотя бы родовую, для объяснения такого вот парадокса. Внимательно вспоминали, не лаял ли какой пес на ребенка. Ругались с мужем и бабушкой, пытаясь за неимением других вариантов обвинить во всем друг друга. В конечном итоге вердикт специалистов был весьма пространен. Было ясно со всей определенностью, что в своем развитии Соня не только не уступает сверстникам, но иногда в чем-то их даже и превосходит. Кроме того, если уж Соне было очень надо, она вполне могла объясниться или, еще лучше, написать о том, что думает по тому или иному поводу. Кстати, ее сочинения в школе считались одними из лучших. Как и контрольные по математике, как и этюды на рисовании. Но...

говорить она не стала. Только по большим праздникам и не больше пары слов. Так что мама (как и большинство людей, с которыми Соня общалась) со временем приучилась достраивать недостающие Сонины куски диалога сама.

— У тебя же учеба, тебе надо закончить семестр. Как ты не понимаешь... Ну, согласна? Может, ты приедешь к нам на лето? Ты хочешь?

— Да, — кивнула Соня. Слово «да» было ее любимым — коротким и емким, исчерпывающим и не требующим пояснений.

Мама вздохнула:

— Ты же уже все умеешь. Ты справишься, да?

— Вот и чудно. Или мы приедем сюда в отпуск, — добавил папа, потому что идея тащить ребенка через весь свет только для того, чтобы он мог повидать родителей, была глупой и дорогой, а папа был рационалистом.

— Будем разговаривать по телефону, — продолжала мама.

Соня только удивленно прищурилась и усмехнулась, а мама кивнула. Да, глупость сморозила. Хотя, если вдуматься, мама очень даже любила разговаривать с дочерью. Они часто сидели на кухне, пили чай или кофе, и мама щебетала обо всем, что только могло прийти в голову. Дочери было интересно. Ей всегда было интересно. Или так, во всяком случае, казалось. Так что в каком-то смысле мама была бы на самом деле рада созваниваться с дочерью и разговаривать часами. Только вот... глупо платить огромные деньги, чтобы поговорить с дочерью, которая в ответ молчит в трубку.

— Бабушка будет тебе готовить и, если что, приедет, чтобы с тобой побыть. Ты только звони ей, если что. Звони каждый день, — снова немного промахнулась мама, видно, забыла, что дочери позвонить — это целое дело, не так просто это для нее. Впрочем, все оттого, что мама уже была мысленно там, в тех краях, где самый теплый месяц в году январь.

— Ты же справишься? — ласково улыбнулся папа.

— Да, — снова кивнула дочь, про себя подумав, что ее родители хорошие и что она будет по ним скучать.

Собственно, все оказалось не так уж и страшно. Только поначалу было сложно засыпать в пустой трехкомнатной квартире. Приходилось включать телевизор в гостиной на всю ночь, а на кухне радио. А еще Соня все время боялась, что забудет выключить плиту, такая, знаете ли, фобия. Когда с самых молодых ногтей все твердят изо дня в день, что нет проступка страшнее, чем невыключенная плита, начнешь нервничать. Соня была девочкой с хорошим воображением, могла себе представить пожар, визг шин, грохот сирен и все прочие последствия невыключенной плиты.

Она не стала рисковать, и проблему с плитой решила просто и гениально — старалась ее вообще не включать. Если уж ты ничего не включала — нечего и забывать. Только приходилось все есть всухомятку, но для Сони это не было проблемой. К еде она была довольно равнодушна, к тому же у нее были деньги, а на Тверской стоял «Макдоналдс», в котором все было прекрасно — и весело, и вкусно. Но о таком своем своеобразном способе решения вопросов безопасности она

никому не говорила. Во-первых, как вы понимаете, потому что разговоры — это не ее конек, а во-вторых, кому говорить-то, если «все ушли на фронт», в смысле, уехали в Новую Зеландию, к черту на кулички.

Из близкой родни в Москве осталась только бабушка. Молодая, занятая, деловая бабушка, даже и не помышляющая о пенсии, заслуженный врач-дерматовенеролог, на руки которой свалили «никому не нужное» (это она так говорила, вздыхая) дитяtko. Бабушка приезжала по понедельникам и четвергам, а в остальные дни они только созванивались по вечерам для контроля. Бабушка оставляла горы не слишком вкусных котлет, которые Соня потом и ела всухомятку. Готовить бабушка не любила и даже презирала, считая себя одной из первых отечественных феминисток. Кроме подкормки, бабушка еще прибиралась в и без того чистой квартире — много ли мусора от одного молчаливого ребенка? Бабушка жила в Лефортове и не была в восторге от всей этой затеи — умотать от родного ребенка на три года — где это видано.

— Где это видано, вот так улепетнуть, — ворчала она, выкладывая кульки и пакеты. — Думаешь, мне легко к тебе сюда таскаться?

— Нет? — пожимала плечами Соня. «Нет» было вторым удобным словом, с которым у нее не было проблем. Бабушка вздыхала и принималась Соню жалеть, хоть и не было для этого никаких причин.

— Эх ты, добрая душа. Ты пойми, Ленке, видать, тоже не хочется одного Володьку отпускать. Понять же можно? То-то.

Бабушка была папина мама и своего Володьку считала идеальным мужчиной, приятным во всех отношениях. А Ленка — Сониная мама, хоть и была женщиной красивой, но на этом ее достоинства кончались. Она ненавидела, когда ее называли Ленкой. С самого детства все звали ее Аленой. Свекровь знала об этом и всегда, во всех случаях, не упускала возможности бросить высокомерное «Ленка».

— Ленке-то уже сколько? — продолжала бабуля. — Годы, годы... а для мужчин, особенно таких, как Володька, все по-другому, не так, как для женщин. Володька у нас особенный. Видный мужчина. Согласна?

— Да! — с готовностью кивала Соня, и тут не было никакого подхалимства. Все так и было на самом деле, и Соня была с бабушкой совершенно согласна. Папа был красив, хорош, ухожен и прекрасно воспитан, к тому же дипломат. Было бы действительно ужасной глупостью отпустить его одного в Новую Зеландию. Такому нельзя позволять даже за хлебом ходить в одиночестве. От греха подальше. Мама была умной женщиной и по-настоящему любила мужа. Любила даже немного больше, чем дочь. Впрочем, Соня тоже бы несколько не обрадовалась, если бы папа уехал, а мама осталась. Это же что бы было — ни тебе Зеландии, ни тебе самостоятельной взрослой жизни. Всюду клин. Так что она на маму не обижалась.

Мама плакала в аэропорту, прижимала Соню к себе и сразу же по приезде начала слать в Россию пухлые, перевязанные веревками посылки. С дипломатической почтой их можно было слать бесплатно. Водолазки,

платьяца, нижнее белье из качественного хлопка, красивые свитера из кашемира и даже кукол — уж вообще непонятно зачем. Как будто ее совесть, взбудораженная таким невиданным проступком, требовала каких-то жертв, и самыми меньшими были те, которые ты приносишь в магазинах. Мама, кстати, магазины обожала и бродила по ним часами все равно, а распродажи были вообще ее Родиной.

Соня считалась послушной девочкой, что ее забавляло и удивляло, потому что она обычно старалась делать только то, что хочет сама. Наверное, с ней никогда не было никаких проблем, потому что она редко была по-настоящему чем-то недовольна. Все на свете ее устраивало и интересовало с одинаковой силой, так что в большинстве случаев, вместо того чтобы отказываться или негодовать, она предпочитала не морочиться и сделать так, как просят.

Если это не шло уж совсем вразрез с ее мнением и интересами, которые, так уж получилось, никто и никогда не пытался узнать.

Если же то, что происходило, уж совсем ей не нравилось, она всегда находила способ избежать этого или изменить ситуацию. Не словами, конечно же. Слова оказались совсем не так эффективны, как должны бы. Сколько раз она видела, как мама мечет в папу целые обоймы слов, желая только, к примеру, чтобы он приходил пораньше домой. Но все эти слова оставались совершенно бесполезными и бессмысленными: мама по-прежнему бегала по квартире и ждала папу, постоянно выглядывая в окно.